

ни стало увидеть, чем закончится такая захватывающая игра. Вскоре, осмелев, к ним присоединились и другие зеваки всех возрастов. Белый толстяк во время падения сильно ударился головой о камни и теперь обливался кровью. Он дрыгал ногами, рот его, словно кузнечный мех, то открывался, то закрывался, модный голубой костюм был весь в крови.

Среди окружавших белого гвардейцев загремел звонкий, как труба, голос, — говорил тот самый белый, который недавно допрашивал Банду. Тогда, в кабинете, он говорил очень быстро, и Банда почти ничего не понимал. Но сейчас он догадался, что начальник отчитывает своих подчиненных за то, что они упустили рабочих. Вот он повернулся и посмотрел в том направлении, в котором те скрылись. Некоторое время он задумчиво поглаживал свою черную бородку. Потом, должно быть, поняв, что погоня бесполезна, он нервно передернул плечами. Снова раздался его звучный голос, и на солдат щедро посыпались увесистые подзатыльники и пинки.

Среди зевак прокатился смех: кому-кому, но только не гвардейцам жаловаться на то, что их слегка поколотят. Банда тоже не без злорадства подумал, что на этот раз гвардейцы получают нечто вроде возмездия за свои многочисленные грехи. Ведь не часто случается видеть, чтобы солдаты из региональной гвардии, эти здоровенные верзилы, терпеливо сносили беспощадные оплеухи. И все же, продолжал размышлять юноша, несмотря ни на что, эти парни осмелились обвести своего начальника вокруг пальца, когда на своем диалекте прокричали рабочим, чтобы те поскорее уходили. Да, они его провели... И этот белый определенно ничего не понял, конечно же, не понял. Хорошо, что он не из миссионеров — миссионер бы все понял наверняка. Но начальник, наверное, уверен, что его гвардейцы кричали рабочим: «Сукины дети! Попадитесь нам только! Смотрите же!.. Если вы хоть раз сунете свои поганые хари сюда, то, ей-же-ей, мы вам их так отделаем, что и мать родная не узнает! Чучела поганые!.. Свора негодяев!..» И все же непонятно, почему гвардейцы так поступили. Обычно-то они не столь любезны... Может быть, потому, что знакомы с рабочими? Интересно было бы узнать...

Погруженный в эти размышления, Банда и не заметил, как оказался в Моко. Увиденная им необычная картина все еще стояла перед глазами: мужественные фигуры рабочих, несущих на своих мускулистых руках толстопузого белого, и ватага мальчишек вокруг них, региональные гвардейцы с сержантом во главе, которые кладут на машину обливающегося кровью и дрыгающего ногами стонущего толстяка...

Перевели с французского
Евгений Клузов
и Александр Козлов

ЖЕНЩИНА

НАЗРУЛ ИСЛАМ

Назрул Ислам — один из самых крупных индийских поэтов XX века. Он родился в 1899 году в восточной части Бенгалии в бедной мусульманской семье. Детство и юность поэта прошли в нищете. Он переменил множество профессий, с трудом закончил школу.

Назрул Ислам обогатил бенгальскую поэзию новыми открытиями в области художественной формы. С самого начала своей литературной деятельности он тесно связал себя с освободительным движением. Поэт воспеваеет революционный подъем, борьбу народа за освобождение от колониального и социального гнета; резко осуждает вражду индустов и мусульман, выступает против суеверий, предрассудков и фанатизма.

Небольшая поэма «Женщина» посвящена борьбе за равноправие женщин в индийском обществе, призывает их к активной, самостоятельной жизни.

Книга избранных произведений Назрула Ислама в переводе на русский язык будет выпущена в этом году Издательством иностранной литературы.

Я песню равенства пою — вам, женщины, и вам, мужчины.
Во всех делах земных вы две равновеликих половины.
Неравенства меж вами нет — вы связаны одной судьбой.
Все поровну разделено — грехи, печаль, рыданья, боль.
Кто, женщина, тебя назвал геенной, адовым огнем?
У первородного греха в плену не только ты одна.
Совместно совершен тот грех. И одинаковая в нем
вина и женщин, и мужчин (коль в самом деле есть вина).
Ты, женщина, дала плодам, что украшают каждый сад,
их сладость и душистый сок, их чистоту и аромат.
Взгляни на белый Тадж-Махал¹, на этот вековечный храм:
ты, женщина, — вся суть его, и только форма — Шах-Джехан.
Ты лакшми² мудрости людской, богиня урожая ты,
ты вечных песен божество, ты лакшми вечной красоты.

Мужчина — день. Палящий зной дневных лучей — его рука.
Ты, женщина, — ночная тень, прохлады влажной облака.
День — это сила и порыв, ночь — это нежность брачных уз.
Мужчина жаждет. Напои его хмельной прохладой уст.
Мужчина в поле плуг ведет. Он пахарь. Так заведено.
А женщина — таков закон — бросает в борозду зерно.
Мужчиной вспахана земля, а женщина ей даст воды.
Земля проснетесь, и на ней созреют злаки и плоды.
О женщина! Слова разлук и встреч с тобой живут во мне —
из слов рождаются стихи, из звуков песни родились.
Ты — исцеляющий нектар, я — жажда, я горю в огне.
Нектар и жажда навсегда в дитя единое слились.

¹ Тадж-Махал — мавзолей в городе Агре, построенный императором династии Великих Моголов Шах-Джеханом (1627—1658) в честь любимой жены.

² Лакшми — богиня. олицетворение преданной и добродетельной жены.

Величье подвигов, побед и гордо реющих знамен
 в терпенье наших матерей, в самопожертвованье жен.
 О войнах, что ведут мужья, в истории читали вы.
 А где прочтете, сколько жен синдур³ смывают с головы?
 А сколько горьких матерей, которым утешенья нет?
 Об этом разве ты прочтешь на монументах в честь побед?
 Но если поднят честный меч у всей вселенной на виду,
 победоносной лакшми дух в него вселяет правоту.
 Пусть раджа—гордый властелин, но рани⁴ властвует над ним,
 смывая тысячи обид прикосновением одним.
 Муж бессердечен. Чтоб вдохнуть дух человечности в него,
 жена отдать ему спешит всю кровь из сердца своего.
 Мужья пируют каждый год в честь дня рождения детей —
 тех зерен, что роняем мы по сладкой прихоти своей.
 А жены обрекли себя на изнуряющую боль
 и сыновей рожают нам, с улыбкой жертвуя собой.
 Великий Рама⁵ стал отцом: двух братьев Сита родила.
 Она вложила в них любовь, она им душу отдала.
 А чем мужчина отплатил? Ревнив, и мстителен, и хмур,
 он запер женщину в тюрьме, ее упрятал в антхопур⁶.
 Она лишь жертва, он — палач. Она — героизм, он — позор.
 сын, что над матерью родной занес безжалостный топор.
 Дурги и Шивы⁷ истукан лежит в забвенье на земле:
 ведь если женщина раба — мужчина тоже в кабале.

Да, устарел тот мрачный век, где муж — единый властелин,
 где женщина всегда в ярме — от колыбели до седин.
 Век равноправья наступил, надежды мира воплотив.
 Рабов не будет на земле! — звучит торжественный призыв.
 Освободите жен от мук! Не дайте вянуть им во тьме!
 Для них вы создали тюрьму — вы сами сгинете в тюрьме!
 Законы века таковы, законы всемогущих сил:
 другому причиняя боль, себе ты горе причинил;
 других заставил ты рыдать, но не спасешь себя от слез;
 другому нанеся ущерб, ты тяжкий вред себе нанес!

Жена в оковах и цепях серебряных и золотых!
 Кто сделал пленницей тебя во имя прихотей пустых?
 Боишься ты его назвать, извечной робости полна,
 но скоро для тебя придет свободы юная весна,
 и выйдешь гордо ты на свет, подобно солнцу поутру,
 сорвав браслеты с рук и с ног, отбросив горькую чадру.
 Разбей оковы! Не щади ни золота, ни серебра!
 Завеса страха и тоски, исчезни, грязная чадра!
 Все украшенья выбрось вон — эмблемы рабства своего!
 Перед тобою целый мир, и ты — любимица его!

Не возвращайся в эту тьму, в пещеры, в душные леса,
 где смерть вонзится тебе в лицо свои холодные глаза,
 где снова цепи на руках — попробуй, отшвырни их прочь! —
 где крылья мрака — саван твой, а панихиду правит ночь.

О мать! Забресжил первый свет. Из подземелья выходи.
 Под звон разорванных цепей для новоселья выходи.
 На пир веселья выходи, распорядись своей судьбой,
 собак насилья придави освобожденною стопой.
 Мужчину, что тебе дарил лишь вожделения свои,
 амброзией поила ты... Лекарством горьким напоил —
 Наступит день, великий день, и в мире, и в моей стране —
 и слава женщин прозвучит с мужскою славой наравне.

Перевел с бенгали
 Михаил Курганцев

³ Синдур — полоса краски на женском проборе; становясь вдовой, женщина смывает синдур.

⁴ Раджа — правитель княжества; рани — жена раджи.

⁵ Рама — индуистское божество; Сита — его жена.

⁶ Антхопур — закрытая женская половина дома.

⁷ Шива — одно из главных индуистских божеств; Дурга — его супруга — богиня, особо почитаемая в Бенгалии.

ДАМАИРИЯ

Индонезийская поэтесса

ПРИЗЫВ

Мы не цветы
 Для украшений.
 Мы не предмет
 Для приношений.
 Мы не молчим,
 Мы требуем.
 Мы не сдаемся,
 Веруем!
 Мы голос свой
 Возвысили
 Над ханжеством насилия.
 Не губите!
 Не купите!
 Не смеете!
 Не смеете!
 Как мы хотим —
 Так будет.
 Мы — люди!

Перевел с индонезийского

К. Дьяченко

АФИЯ

Ганская поэтесса

ЕСТЬ У НАС БЕЛЫЕ БРАТЬЯ!

Я смотрю на бескрайние дальние страны,
 Где рождается утро в лесах новостроек.
 В этих странах
 Не видно банкиров кровавых.
 Там одни лишь поэты,
 Одни инженеры,
 Агрономы одни!
 В этих странах — свободные,
 мудрые люди,
 И они дирижируют сложным оркестром
 Из умнейших машин и простых
 инструментов.
 В час, когда мы узнали их в новой Европе,
 Мы узнали, что есть у нас белые братья!
 Их ученые шлют нам хорошие книги,
 В них отвергнута злая заносчивость белых,
 Что в кровавых приемных концертных
 и банков
 Призывает к смирению пред именем бога!
 Протянитесь же, дружеской помощи руки,
 чтоб помочь моей Африке жить
 без страданий!

Перевел с английского
 Евгений Коршунов